

А. С. Запесоцкий,
член-корреспондент РАН, ректор СПбГУП, профессор

КУДА ИДЕТ РОССИЯ?

Доклад в Карлтонском университете (Оттава, Канада)

24 сентября 2013 года

Во-первых, позвольте поблагодарить руководство университета и профессора Дуткевича за возможность встретиться сегодня с вами. Я 20 лет не был в Канаде, и для меня это большое удовольствие.

Ваш университет пользуется очень солидной академической репутацией. И профессор Дуткевич хорошо известен в России как один из крупнейших специалистов по тем процессам, которые происходят у нас в стране. Интересно быть здесь и высказать свою точку зрения на то, куда идет Россия и что у нас происходит.

Моя позиция как ученого несколько необычна. 22 года назад, когда я начинал работать ректором, уже тогда был знаком практически со всеми людьми, кто сегодня руководит Россией. В то же время я, как ректор Университета, хорошо знаю то, что происходит внизу, в обычной жизни. Хорошо знаю, как работает экономика, что реально происходит в науке и образовании. Это очень интересная позиция для того, чтобы посмотреть, что творится вокруг. К тому же, как ректор, я работаю в Университете с целым рядом кафедр, которые изучают, что происходит в стране. Это касается кафедр философии, истории, социологии, экономики, права и т. д. Кроме того, являясь членом двух российских академий, я имею доступ к большому количеству исследований, которые проводят мои коллеги. Таким образом складывается интегральный взгляд на то, что происходит в нашей стране.

Что происходит сейчас в России? Я хотел бы об этом сказать здесь сегодня. Полагаю, в целом то, что происходит сегодня в России, можно охарактеризовать словом «трагедия». Может быть, вы сочтете мой взгляд слишком пессимистичным, но выскажу его откровенно, как лично мой взгляд.

Считаю, что Россия избрала крайне неудачный способ перехода от социализма к капитализму. И, наверное, сегодня один из самых распространенных вопросов, которые слышу, в том числе и от своих студентов: «Почему Путин не может сделать то или иное? Почему Путин не может справиться с той ситуацией, которая складывается внутри страны?»

Почему, например, Путин не может справиться с коррупцией? Ведь, казалось бы, очень просто посадить всех коррупционеров в тюрьму, и дальше начнется новая жизнь?

Или: почему Путин не может улучшить образование в России? Почему образование все время ухудшается? Я приведу интересный пример: в России за все время руководства страной Путиным инвестиции в образование (по разным методикам подсчета) увеличились от 7 до 10 раз. Но уровень образования катастрофически падает.

Казалось бы, в России созданы сегодня хорошие условия для развития бизнеса. Любой человек в стране может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. И он будет платить государству 6 % от того, что поступит на его счет. А все остальные деньги находятся в его распоряжении. То есть если я работаю в качестве рабочего и стою у станка, то должен со своей зарплаты, которую получаю, заплатить 13 %. И еще помимо моей зарплаты, если я, например, получил 1000 долл., работодатель должен заплатить дополнительно 400 долл. государству. А если я частный предприниматель, то заплачу всего 6 %! Правда, есть ограничения, с какой суммы я могу заплатить 6 %. Это примерно 2 млн. долл. в год. Если на мой счет придет больше, я должен заплатить 13 % с того, что превысило норму. Казалось бы, это замечательные условия для развития предпринимательства, совершенно уникальные. И при этом в России сейчас практически не развивается малый и средний бизнес. Мы видим почти нулевой рост производства.

А государство получает налоги в основном всего от двух источников: таможенные сборы за товары, которые ввозятся в Россию, и (второе) продажа нефти, газа и некоторых других ресурсов.

Почему Путин ничего не может с этим сделать? Здесь возникает интересный вопрос: что сильнее — личность или система? И мы сталкиваемся с тем, что в данный момент система сильнее личности. Так бывает не всегда — в моменты резкого перелома, когда происходят революции, личность может оказаться сильнее. Но когда система уже стала складываться и в нее вовлечено большое количество людей, система оказывается сильнее.

В мире уже существует несколько моделей перехода от социализма к капитализму. Одна из них — это модель стран Восточной Европы: Восточная Германия, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Эстония, Латвия, Литва... Не хочу никого обидеть, но скажу, что они утратили свой

национальный суверенитет. Они были поглощены Евросоюзом. Они просто приняли стандарты Евросоюза абсолютно во всех областях. И я думаю, что они заплатили за это очень дорогую цену. Сделали себя жертвами оккупации добровольно, без применения военной силы. Вот, например, когда я разговариваю с журналистами из, скажем, Латвии и спрашиваю их: «Как у вас дела?», они говорят: «Спасибо, у нас все прекрасно. У нас есть свобода слова, и мы пишем в наших газетах то, что считаем нужным. И у нас, в общем, сбылось то, о чем мы мечтали во времена Советского Союза, — это настоящая свобода. Но есть одна маленькая проблема: нас почти некому читать, потому что все, кто мог читать газеты, уехали на работу в Англию, и наша страна оказалась страной пенсионеров, у нас совсем нет молодежи». Когда я приезжаю в Болгарию, вижу, что там происходят весьма своеобразные трансформации в экономике. В Болгарии, например, вы можете иметь маленький отель, но та компания, которая будет подавать туда электричество, будет принадлежать австрийской фирме. Все крупные, серьезные отрасли индустрии поглощены корпорациями Западной Европы. То есть, плата за вхождение в Евросоюз — это потеря своей молодежи как рабочей силы и потеря национального контроля над экономикой. В конечном счете окажется, что это — и потеря своей национальной культуры.

Когда мы смотрим, что происходит в Белоруссии, мы видим, что они, в общем-то, и не начали переходить к капитализму, у них остался социализм. Очень интересный и самобытный опыт перехода к капитализму накоплен в Грузии. Там оригинальным образом решены многие проблемы, которые нам не удалось решить в России, но в то же время появилось много специфических проблем. Я считаю очень интересным опыт перехода к капитализму Азербайджана и Казахстана. Он, на мой взгляд, более успешный, чем то, что происходит в России, но у нас просто нет времени сейчас об этом говорить. Полагаю, что большую трагедию переживает сейчас Украина, которая идет в сторону Евросоюза. Но она имеет собственную культуру, которая будет испытывать колоссальные проблемы при столкновении с западноевропейской культурой. Скажем, страны Балтии сравнительно легко приняли западноевропейскую систему, потому что у них общая религия и период социализма был примерно в два раза короче, чем в России и на Украине.

Сегодня мы думаем, конечно, что для России более успешным был бы путь Китая. Но мы упустили то время, когда можно было вести себя так, как Китай, потому что в Китае переход к капитализму начинался в 1972 году.

Позднее, когда произошли события на площади Тяньаньмэнь, Горбачев получал от своих помощников предложения внимательно присмотреться к опыту Китая. В СССР был ряд серьезных специалистов, которые считали, что этот опыт нам нужно учитывать, и то, что делает Чжоу Эньлай, — это то, что нужно России. Китайцы почти не реформировали сферу идеологии. Они начали преобразования с экономики, делали это очень осторожно, аккуратно. Они начали с развития малого бизнеса и не трогали государственные корпорации, сырьевые отрасли, большую индустрию. Они стали перенимать опыт Венгрии, Польши в части создания кооперативов, малых хозяйств, развития индивидуального предпринимательства. И постепенно выращивали рядом с государственным капиталистический сектор, но делали это чрезвычайно осторожно. Они шли маленькими шагами, рассматривая каждый раз результаты и корректируя свой курс. И таким образом они решили серьезную социальную задачу: вырастили слой предпринимателей, которые умеют заниматься бизнесом.

Россия не захотела раствориться в Евросоюзе, как Эстония или Болгария. Это было невозможно по многим причинам. С одной стороны, менталитет населения, культура не позволяли это сделать. С другой стороны, национальная элита хотела безудержно властвовать и обогащаться, хотела управлять страной сама. Но оказалось, что это была своеобразная элита: она не имела необходимой квалификации. Мы не имели слоя предпринимателей, который умел бы управлять бизнесом. Тем не менее Борисом Ельциным был взят курс на немедленное превращение России в капиталистическую страну. Реально это было невозможно, но были предприняты резкие шаги. В результате бóльшая часть населения страны вообще не захотела переходить в капитализм, а другая часть очень охотно это попыталась сделать. И у нас фактически существуют сейчас две культуры в одной стране. Одна культура — это культура Советского Союза вместе с жителями Советского Союза, и это бóльшая часть по численности населения, другая часть, меньшая, — это та, которая присвоила государственную собственность. И это, конечно, молодежь, которая уже выросла в новых условиях, которая видит вообще вещи по-другому. А многого в силу отсутствия опыта вообще не видит.

Надо сказать, что культурная дистанция между поколениями образуется и в Грузии, и на Украине, в ряде других стран, переходящих к капитализму. Это очень большой контраст.

Для того чтобы понять, что происходит, удобно применить марксистский анализ. Если мы посмотрим на то, как устроена социально-

экономическая система в разных странах, то увидим некий спектр. Левая часть этого спектра базируется на идеях о том, что государство должно все регулировать, а рынок — это вещь, которая не важна. В таком обществе интересы личности не имеют особого значения. Интересы общества и государства важнее, чем интересы личности. Человек понимается как существо социальное, он должен жить интересами общества. А на правой части этого спектра — воплощенная в жизнь мысль о том, что рынок должен быть самым главным, а роль государства должна быть сведена к минимуму. В рамках таких взглядов на вещи роль личности является наиболее важной, а интересы общества второстепенны. Человек понимается как существо экономическое.

Если мы посмотрим сегодня на то, что в реальности происходит в мире, нигде в развитых странах ни левые взгляды, ни правые взгляды не представлены в чистом виде. В каждом обществе левые идеи борются с правыми идеями. В конечном счете торжествует все-таки идея конвергенции. Если мы посмотрим, например, куда идут Соединенные Штаты Америки, Западная Европа и Китай, то окажется, что все они идут примерно в одну и ту же точку. Правда, они идут к ней с разных сторон. Китай идет со стороны социализма, а Соединенные Штаты и Западная Европа, конечно, со стороны капитализма. Сегодня, к примеру, в Соединенных Штатах имеет место сильное государственное регулирование общественной и экономической жизни, хотя, конечно, и с учетом национальных традиций, которые сложились за три столетия. За редкими исключениями (такими, как Северная Корея и Куба) все страны стараются по-своему отобрать лучшее от капитализма и социализма. Но когда они это отбирают, то руководствуются своим национальным менталитетом, культурными традициями, своей историей. И те страны, которые наиболее удачно сочетают теорию конвергенции со своим культурным опытом, добиваются наибольшего успеха. К примеру, сначала — Япония, затем — Южная Корея, Гонконг, Сингапур, теперь — Китай.

Так вот, Россия в начале 90^х годов мгновенно переместилась с левой части этого спектра в крайне правую часть. Образно говоря, мы можем считать, что в крайней левой точке возможного спектра социально-экономических формаций — «коммунизм», каким он был в Камбодже у Пол Пота. Чуть ближе к середине — наверное, казарменный социализм Сталина. Сейчас Россия за несколько лет вдруг переместилась в крайнюю правую точку, в которой механически принята и господствует идея, что человек —

это существо экономическое и что рынок отрегулирует абсолютно все, всю жизнь. Эта идеология 20 лет назад тотально принята на вооружение нашим правительством.

В советское время у наших марксистов главный вопрос был — что важнее: бытие или сознание? Что вообще сильнее — идеология или экономическая ситуация? Этот вопрос и сегодня имеет большое практическое значение. Когда случаются революционные изменения ситуации и страна оказывается в начале нового цикла развития, идеология выходит на первое место. Тогда встает вопрос: как национальная элита может выбрать идеи для дальнейшего развития? И оказывается, что национальная элита способна на очень серьезные ошибки именно в области идеологии. В начале 1990-х годов наша элита и совершила вот такие очень крупные ошибки.

В Китае существуют научные институты, которые специально изучают Россию последние 20 лет. Они изучают наши ошибки с тем, чтобы их не повторить в Китае. У нас в Университете несколько лет назад был сделан доклад, который на меня лично произвел огромное впечатление. Его автор — китайский ученый Ли Цзин Цзе. Доклад назывался примерно так: «При заимствовании западного опыта нельзя допускать уклона как влево, так и вправо». Центральная мысль была, что Советский Союз совершенно неправильно отвергал многие аспекты опыта Запада, его достижения. Потому что, когда Ленин совершил коммунистическую революцию, наша страна еще не готова была ни к строительству коммунизма, ни даже к строительству социализма. И надо было внимательно смотреть, что именно еще надо перенимать у капитализма. А после 1991 года власть в России стала считать, что надо механически все заимствовать у капитализма. И это была тоже ошибка, которая нанесла огромный вред. Ли Цзин Цзе привел замечательную китайскую поговорку «Мандарины не растут севернее реки Янцзы». Еще 2500 лет назад китайские мудрецы приводили в пример мандарины, чтобы люди не занимались механическим заимствованием чужого опыта. Мандарины обычно растут к югу от реки Янцзы — это самая большая река в Китае, а плоды сладкие, но если сажать их к северу от реки Янцзы, то плоды имеют резкий запах, и их нельзя есть. Причина в том, что разные условия, разные почвы.

Теперь мы видим, что идея денег как самого главного в жизни разлагает все наше общество. В России недавно была проведена огромная реформа милиции, в результате реформы милицию стали называть полицией.

Действительно, до реформы милиция работала очень своеобразно. Они все время ловили преступников, и много ловили, но потом брали с них деньги и их отпускали. Милиция поняла за последние 20 лет, что деньги — это самое главное в жизни. Потом Медведев сказал: «Мы сейчас проведем реформу, мы оставим в милиции только честных». Была проведена аттестация всех милиционеров, в полиции оставили самых честных. При этом в прессу просочились сведения: для того чтобы некоторым получить положительный результат и остаться работать генералом, в Петербурге нужно было заплатить примерно 1–2 млн долл. Вот так у нас проводятся реформы. Якобы некоторые генералы брали деньги у преступного сообщества и говорили: «Ну мы их отработаем, потому что мы люди честные, мы все отдадим». Вы понимаете, в России за последние 20 лет была осуществлена огромная революция в сознании.

Эта революция сделана с помощью телевидения. Если вы разговариваете официально с руководителями нашего телевидения, они заявляют, что телевидение — это зеркало жизни. Но они знают, что это неправда, потому что телевизионные программы, которые последние 20 лет показываются в России, несут с собой новые модели поведения, новые образы жизни. Их основная идея: деньги — это главное. Нужно сказать, что навязывание подобной философии встречает колоссальное сопротивление общества. Но оно непрерывно продолжается.

В этом месте я остановлю свое долгое выступление, и мы перейдем к ответам на вопросы.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Вопрос: — Скажите, пожалуйста, Вы отметили, что малый бизнес сейчас не процветает. Связано ли это с организованной преступностью, с тем, что эта преступность внедряется в бизнес-среду, предлагает «крышу», допустим?

— 25 лет назад я работал руководителем небольшой фирмы и был ассистентом профессора в университете. У меня была чрезвычайно успешная личная компания, мой личный бизнес. Я тогда стал состоятельным человеком. Но я его бросил в тот момент, когда ко мне пришли бандиты с улицы и сказали: «Мы хотим контролировать твой бизнес. Ты будешь нам платить деньги». В это же время мне предложили стать ректором

Университета, я сказал: «Да, вот это хорошо». Но что произошло с тех пор? Бандиты перестали приходить к предпринимателям, потому что их вытеснили полицейские. Полицейские заняли место бандитов. Потом перестали приходить полицейские, потому что их место заняли чиновники. И сегодня, если вы хотите делать успешный бизнес, вы должны иметь связь с чиновниками. Вы, конечно, можете открыть свой бизнес, и в вас никто не будет стрелять, как это было в 1990-е годы, но вам скажут: «Хотите подключиться к электроэнергии, вы хотите ее получить? Тогда заплатите за это официально и еще в 10 раз больше неофициально». Или: «Я налоговый инспектор, я вас проверяю, я могу закрыть глаза на что угодно за деньги». Но если предприниматель не захочет платить взятки, то у него будут проблемы, даже если он честно ведет бизнес. Это проникает во все поры, это повсюду распространяется.

Ты должен или вписываться в эту систему, или не сможешь заниматься бизнесом. В результате экономическая жизнь приобретает в России однообразный характер. Все производство в стране сводится к производству сырья. Деньги от производства сырья, конечно, частично поступают в бюджет. И государство платит эти деньги тем людям, которые работают в государственном секторе. Пока цены на нефть высокие, это работает, хотя и плохо. Но когда цены на нефть падают, то появляются проблемы. Поэтому сейчас в стране создан большой резервный фонд на случай того, что цены на нефть упадут. Но если вы меня спросите, что сегодня производит Петербург в индустрии, я вам не смогу дать ответ. Пожалуй, разве что автомобили.

— «Тойота». (реплика из зала)

— Да, «тойота», «форд», сигареты «Филипп Моррис». Я должен сказать, что в советское время Петербург был крупнейшим центром по производству наукоемкой продукции. И мы имели колоссальную индустрию машиностроения.

Вопрос: — *Александр Сергеевич, Вы упомянули о роли телевидения в российском обществе. Но сейчас также социологические опросы показывают, что 25–30 % общества пользуются Интернетом. И Навальный стал достаточно яркой фигурой на политическом Олимпе России. Это, как Вы считаете, нормально? И будет ли Путин на четвертый срок идти? Все вопросы сразу.*

— Владимир Путин, насколько я понимаю, не хочет идти на четвертый срок. Он не хотел идти и на третий срок. Он очень устал. Но думаю, что он пойдет на четвертый срок, потому что его не отпустят. Не исключаю того, что Путин пойдет на пятый и шестой срок. Как я понимаю, сейчас к нему люди пришли за полгода до выборов и сказали: «Ну, посмотри, что происходит. Сейчас американцы захватят нашу страну, и она будет разрушена вся. И ты должен обязательно идти на выборы, иначе все пропадет». Думаю, это была правда.

Что касается Интернета и господина Навального. Интернет имеет большое значение, не будем его преуменьшать. И, конечно, если Вы скажете, что господин Навальный обязан своей популярностью Интернету, не буду с Вами спорить. Не знаю, есть ли в английском языке такое выражение, но по-русски то, что я думаю о Навальном, лучше всего передается словосочетанием «мутная фигура», потому что не меньше, чем Интернету, он обязан своей популярностью действующей власти. Думаю, что обществу подсовывают «гнилых» лидеров. Полагаю, вы видели, что происходило на Болотной площади после выборов в парламент в России. Люди не хотели, чтобы многое из того, что в России происходит, продолжалось дальше, и они вышли на демонстрацию. Вообще в России не знаю людей, которые в тот момент не хотели бы перемен. Все хотели перемен. А потом люди увидели на сцене на Болотной площади Ксению Собчак, Удальцова, Касьянова, Немцова, и как-то сразу все остановились. И сказали: «Ну, мы не хотим идти за такими лидерами». А других лидеров не было видно. Видимо, если власть хочет удержать рычаги управления, она должна создавать подобных лидеров. И тогда никакие протесты в стране не будут иметь успеха. Власть будет оставаться в руках чиновников.

По-моему, Навальный — именно из таких ложных лидеров. Влияние же телевидения недооценено, потому что исследователи обращают внимание только на то, что происходит в новостях политических. Но есть значительно более серьезные вещи — что происходит в развлекательных программах. Раньше в России в советское время функция воспитания человека была сосредоточена в семье, школе и университете. Сейчас воспитание молодежи осуществляется в основном телевидением и именно в развлекательных программах, потому что у телевидения есть в распоряжении механизм неявного знания. Когда кошка играет с мышью и показывает это котенку — неявное знание. Этот же механизм работает у телевидения. Когда мы видим,

как люди ведут себя на экране, это на нас сильно влияет. И массовое поведение, и система ценностей начинают формироваться именно под влиянием телевидения.

Меняются понятия добра и зла, отношение к другим людям, к родителям, к ценности знаний и т. д. У нас образование разрушается не потому, что профессора стали учить хуже, а потому, что изменилась мотивация студентов. Сейчас в России телевидением культивируется презрение к труду, работе, формируется культ легкого успеха, успеха благодаря обману. Это тотальная ревизия всех ценностей. Думаю, что в советское время мы были страной христианских ценностей. Коммунисты просто поставили Коммунистическую партию на место церкви. Но десять заповедей строителей коммунизма были совершенно аналогичны десяти заповедям христианства: нужно быть честным, нужно хорошо работать, нельзя соблазнять чужую жену. Христос, по мнению коммунистов, был хорошим парнем, только на его место был поставлен генеральный секретарь Коммунистической партии. По-моему, Геннадий Зюганов даже как-то сказал, что Христос был первым коммунистом в истории человечества. Сейчас все эти ценности отброшены.

Вопрос: — Я представляю Министерство природных ресурсов, у меня вопрос об энергетической политике в России. Возможно ли, что Россия будет использовать энергетическую политику как политический инструмент, для того чтобы влиять на Европейский Союз, на Запад, на Украину?

— Думаю, что в самой постановке вопроса содержится определенный ярлык, который повешен на проблему. Надеюсь, что я Вас не обидел. Но Вы понимаете, у каждого конфликта, у каждой конфликтной ситуации есть всегда как минимум две стороны. Существуют два разных взгляда. Думаю, что позиция Владимира Путина честная и открытая. Я вообще убежден, что он очень честный и порядочный человек.

Помню мой разговор с Черномырдиным, он тогда был премьер-министром России. Разговор состоялся примерно в 1995 году. Черномырдин стал премьер-министром после работы в нефтегазовой промышленности. Став премьер-министром, он встретился с несколькими ректорами в Петербурге. Людей в комнате было намного меньше, чем здесь сидит. У нас был откровенный разговор. И он нам высказывал свое удивление: «Мы не

понимаем, почему Украина по отношению к России так себя ведет? Мы им все даем почти бесплатно, да и то денег не берем. Что даем — даем в долг. И сейчас Украина нам должна 4 млрд долл. (это было в 1995 г., тогда это были огромные деньги для России). Но мы с ними ведем себя, как с братьями. А они все время смотрят на Запад, они все время заигрывают с Западом, они все время действуют вопреки нашим общим интересам». Не думаю, что он нам врал.

Я знаю, что Путин задает вопросы, обсуждает со своим окружением эту ситуацию таким образом: да, у нас есть ресурсы, но мы бедная страна, у нас люди плохо живут. Почему мы должны Украине продавать ресурсы дешевле, чем на Запад мы продаем? Если они хотят быть с Западом — это их право, но тогда пусть они платят по западным ценам. Если они вместе с нами в одном экономическом пространстве, тогда я могу объяснить людям, народу, почему мы Украине делаем такие цены, как в России. Его позиция простая: пусть Украина решит, с кем она. Если она часть Запада, тогда мы ведем себя с Украиной как с частью Запада. Если она вместе с нами, как часть общего экономического пространства, тогда мы себя ведем с ней, как с родственниками.

Думаю, что выбор у Украины очень нелегкий. Если бы я был гражданином Украины, не уверен, что выбрал бы сотрудничество с Россией, потому что и в этом есть целый ряд отрицательных моментов.

Но что я хочу сказать про Путина? Владимир Путин не совершает абсолютно никаких действий «под столом», тайно, по отношению к Украине. Он не инвестирует средства в тайную работу против Европы за то, чтобы Украина была с Россией, в то время, как на Украине работают более тысячи фондов различных, представляющих Соединенные Штаты и Евросоюз, и через эти фонды идет очень большая обработка общественного мнения и в первую очередь работа с прессой. Запад подкупает украинскую элиту, обрабатывает население. И поэтому, если говорить о «политическом оружии», не думаю, что газ в данном случае используется как политическое оружие. Хотя, наверное, это может быть и таким образом интерпретировано.

Но здесь еще надо иметь в виду исторический опыт России. Россия была очень своеобразной империей, это империя, которая все время отдавала деньги от центра на окраины и все время поддерживала окраины. И Советский Союз распался так легко потому, что в решающий момент у людей, которые располагали властью, было такое мнение: «Ну, давайте мы их всех отсоединим от России, мы будем богатыми и перестанем их кормить,

потому что у нас есть огромные ресурсы, и это прекрасно». Сейчас Россия проложила по дну Балтийского моря несколько линий газа в обход Украины и прокладывает через Черное море такие же линии. И говорит Украине: «Не хотите — у нас газ не покупайте, а мы будем торговать прямо с Европой». Это имеет и свои большие минусы для России, но позиция сейчас такая.

Вопрос: — Александр Сергеевич, Вы говорили об образовании в России, Вы сказали, что являетесь членом двух академий. И хотелось бы узнать, что Вы думаете о реформе Российской академии наук.

— Я думаю, что это национальная катастрофа. И сожалею, что Владимира Путина убедили пойти по этому пути. Дело в том, что сейчас у нас очень изменилось качество национальной элиты. Изменилось в худшую сторону. Раньше в нее входила, конечно, Коммунистическая партия и ее функционеры, входила творческая, художественная элита — деятели культуры и искусства и, конечно, ученые и профессионалы в разных областях деятельности — инженеры, ректоры и так далее. В ельцинский период произошло огромное перемешивание всех пластов общества, на место элиты пришел сброд. В итоге несколько откровенных аферистов-«банкиров» захватили власть: Березовский, Гусинский, Ходорковский и т. п. Когда в власти пришел Путин, он поменял местами два пласта национальной «элиты». До момента его прихода крупный бизнес был на самом верху, а чиновники были под ними. Когда в Израиле давали интервью такие предприниматели, как Гусинский или Ходорковский, они говорили: «Мы купили Россию, Россия находится у нас в кармане, вся власть у нас в кармане». Они это говорили открыто. После прихода Путина чиновники находятся наверху, большой бизнес находится чуть ниже. Сюда же входит начальство из мира прессы, но, конечно, они находятся ниже. Ученых сейчас нет в элите. Но все же вместо ученых в правящем слое есть псевдоученые. Это люди, которые не являются учеными, но они создали структуры, обслуживающие интересы «элиты», и внешне это выглядит как научная деятельность.

Чиновники ставят задачи, псевдонаучная часть элиты их разрабатывает, создает программы и делает определенную идеологическую упаковку, а пресса их тиражирует. Это называется «проводить реформы». Потом реформы проваливаются, чиновники чешут затылки и спрашивают псевдоученых: «Вот у нас все провалилось, надо что-то придумать новое».

Тогда они вместе придумывают новые реформы. Псевдоученые и их разрабатывают и опять вбрасывают идеи в прессу. «Реформы» реализуются, дальше все становится еще хуже. Проведение реформ стало огромным бизнесом. И на реформы уходят огромные деньги. Сейчас есть два псевдонаучных центра в Москве, которые получают вместе бюджет около 3 млрд долл. Вся Российская академия наук имеет 2 миллиарда. Но у академии наук синхрофазотроны, огромные корабли, которые поддерживают связь с космосом, огромные коллаидеры, и все это они содержат за 2 млрд долл. А псевдонаучные центры имеют примерно 3 млрд долл. в год и производят только бумаги.

Академия наук представляет собой огромную угрозу для псевдонаучных центров, потому что настоящие ученые все время говорят: «Страна идет неправильным путем. Все это безобразие надо прекращать и идти в другую сторону». Поэтому сейчас такая атака предпринимается на академию наук. И нам говорят, что настоящая наука не нужна, потому что это наследие Сталина, это Сталин все придумал. Академия наук будет разрушена, конечно. Это будет следующая трагедия после крушения Советского Союза. Вы можете привезти новые станки и поставить на завод вместо старых, но систему науки и систему университетов уже будет восстановить невозможно. По крайней мере быстро, за несколько лет — невозможно. И университеты сейчас тоже страшным «реформам» подвергаются.

Вопрос: — Здравствуйте, меня зовут Алексей, я студент Карлтонского университета. Мой вопрос такой: а как сейчас обстоит ситуация с национальным вопросом? И где были допущены ошибки, по Вашему мнению? И связываете ли Вы это с потерей ценностей, о которых Вы говорили ранее? Спасибо.

Вопрос: — Тимур Шарапов, я студент на этом факультете. У меня вопрос тоже по поводу национальной идентификации. Как Вы связываете последнее восстановление, усиление взаимоотношений Русской православной церкви и государства: как попытку усиления русской идентичности и усиления устоев? И как вы видите, куда это отношение приведет и вообще какой конечный результат может быть?

— Во-первых, давайте заметим, что во всем мире национальные вопросы обостряются. Это общая тенденция, она связана с последствиями глобализации. Глобализация — явление ни положительное, ни отрицательное, это просто нормальная тенденция мирового развития. И все зависит от того, как человечество может реагировать на ее отрицательные последствия. Запад оказался не готов к национальному вопросу.

И то, что происходит, например, в Германии с национальным вопросом или во Франции — это свидетельство неготовности к грамотному его решению. Западноевропейская модель мультикультурализма совершенно не случайно потерпела провал. Кроме того, и в Европе, и в России происходит то, что в Канаде в свое время было названо «революцией люлек», когда какие-то нации очень быстро развивают свою популяцию и потом говорят: «А теперь мы должны изменить ту культуру, которая существует». Не буду комментировать это в ситуации с Канадой, потому что у Канады своя особая история, и здесь мне по-человечески понятно, как и почему это происходило. Но в Европе, когда, например, турецкое население приезжает в Германию и не хочет воспринимать немецкую культуру, или во Франции арабское население приезжает во Францию и не хочет воспринимать французскую культуру, это очень опасные модели сосуществования двух культур.

У России до советского времени есть более удачный опыт ассимиляции разных культур. Царская Россия говорила мигрантам: «Вы все должны быть частью русской культуры, при этом вы можете исповедовать любую религию и жить в своей культуре столько, сколько захотите». То есть каждый человек может жить в двух культурах. Вы имеете право на свою национальную культуру, но при этом должны быть полноценной частью общей культуры.

Когда распался Советский Союз, Россия оказалась совершенно не готова к новой проблеме. Тогда начальники считали, что если всем дать свободу, то все проблемы сами утрясутся. И сейчас власть не понимает, как реагировать на возникающие конфликты. Чиновники реагируют на отдельные эксцессы при воздействии русскоязычного населения и различных этносов, приходящих с периферии. Но получается это очень плохо.

Ситуация усугубляется падением привлекательности российской культуры. Вот, например, в Дагестане сейчас все время следуют террористические акты. Но против кого, кого там убивают? Там убивают чаще всего представителей власти, которых считают коррумпированными, совершаются террористические акты против представителей оккультных

течений, против гадалок, колдунов и так далее, а также совершаются преступления против людей, продающих спиртное.

Кавказцы смотрят наше телевидение из Москвы. И им говорят: «Вы хотите, чтобы с нашим народом происходило то, что мы видим по этому телевидению? Мы не хотим становиться такими, как русские». И это очень серьезная проблема.

И про православие был вопрос. Конечно, усиление взаимодействия государства с церковью связано с потерей ценностей, потому что и царская Россия, и Советский Союз были носителями высоких культурных стандартов, базирующихся на нравственном фундаменте. Мое поколение все воспитано в духе атеизма. И молодежь, современные поколения, также в основном не пришли в церковь.

Но вот я стал ректором 22 года назад. Что увидел у себя в Университете? Разрушено все гражданское общество, нет профсоюза в Университете, нет коммунистической партии, нет молодежного коммунистического союза, нет студенческого совета. Я сказал студентам: «Давайте вы создадите какие-то свои студенческие органы самоуправления». Они мне ответили: «О, как интересно! Сколько Вы нам за это заплатите? Потому что, если вы нам не заплатите, зачем нам вообще этим заниматься? Это что, какие-то общественные интересы мы должны преследовать? Это нам зачем?» И тогда что же оказалось? — Непонятно, как я могу работать с молодежью. Теперь представьте себе: вы знаете размеры Советского Союза, у меня есть студенты, которые прилетели с Сахалина, им 17 лет, и они целый год не увидят родителей. Тогда даже Скайпа не было. И что должен сделать студент, когда у него возникла трудная проблема в жизни? Как ему решать эту проблему, с кем ему посоветоваться? И вы знаете, что мы сделали? — Открыли православный храм в Университете. Мы надеялись, что церковь начнет работать со студентами и вести с ними правильные разговоры по их проблемам, и что это будут разговоры моральные, потому что вопросы: «Как построить отношения с другом? Как построить отношения с девушкой? Как построить отношения с преподавателем?» — это моральные вопросы. Они не смогли это сделать, к большому сожалению моему. Я вынужден был действовать иными путями.

Но вот давайте посмотрим на Путина — а с кем он вообще в стране может объединиться, если он хочет работать на благо страны, какая у нас есть общественная организация, какая есть сила? Ему не на кого опереться сегодня, кроме церкви и профсоюзов. Потому что к моменту, когда он

пришел, за 10 лет правления Ельцина были сделаны такие вещи, которые исключали построение в России гражданского общества. До него уже была проделана вредная работа. А ведь церковь — это настоящая общественная организация, которая не утратила своей сути. И я вот думаю: а если бы они могли чему-то научить молодежь, то чему плохому бы они ее научили? И если у меня есть претензии к церкви, то только то, что церковь сегодня уже не умеет работать современными формами.

Спасибо за внимание, всего доброго.

(Аплодисменты зала).